

М. С. АЛЬТМАН

Царь Киммерии (Из дневника 1929 г.)

9 августа.

<...> Мой голос был совсем подавлен. Подавляла и эрудиция не ученого, а образованного человека. Что ни назовет — и в самых различных областях, и в «моей» даже области (античность), — а я и не слышал. Вот где бы и у кого поучиться. И в порыве предложил я ему остаться у него, быть его секретарем. Он был тронут, сказав, что летом у него обилие друзей, но зимой — никого. И в самом бы деле остаться мне — обширная библиотека и обширный хозяин — и учиться. Если бы на это у меня хватило духу, я бы себя стал больше уважать. Но — одни мечтанья...

Максимилиан читал, между прочим, мне стихи и о войне. Я спросил его о том, какую позицию он занимал по отношению к войне. Он рассказал мне, как он в это время ездил по Европе, причем за ним как бы закрывались двери: так, день объявления войны он встретил в поезде в Будапеште, он ехал в Швейцарию. Он, действительно, успел вбежать в ковчег, как последний зверь, когда кругом уже хлестал потоп. Ковчег — это Иоаннов Дом, дом Рудольфа Штейнера, строившийся тогда и в строении которого он <...> принимал участие: ему было поручено разрисовать некоторые в нем декорации. Над созданием дома трудились немцы, французы, русские; самый дом находился на границе Швейцарии, и с его вышек можно было по ночам видеть войну, ибо современная война больше бывает видима ночью, чем слышима днем. Это-то интернациональное дело на почти интернациональной почве и выработало в нем ту позицию войны, которая отразилась в его стихах: позицию «с высоты», позицию европейца.

«Читая в те дни газеты разных стран, я убеждался, что никогда Европа не была так единомысленна: меняя имена, каждая газета, вплоть до деталей, говорила то же, что другая (немцы как французы, французы как немцы и т. д.), и это-то единодушие было всего страшней, оно должно было разрешиться трагедией войны, ибо иначе при таком

застое наступает смерть. И война была не во имя разрыва, а во имя синтеза народов...» ...

15 августа.

По поводу его [стихотворения] «Дметриус-император» я спросил его: а как он думает об историческом Дмитрие Самозванце, кем он был?

«Я думаю, подлинным сыном Иоанна, стоит посмотреть на его портрет: такое сходство. И был он ставленником Романовых. Вообще, все самозванцы со Смутного времени — это путь к власти бояр Романовых. Вспомним, что Филарета назначил патриархом Тушинский Вор. И этот Филарет был последним замечательным Романовым. Романовы изжили свою гениальность до вступления на престол». — «Ну, а Петр?» — «Петр не был сыном Алексея Михайловича и не мог им быть, ибо Алексей был бесплоден. Ключевский полагал и высказывал это в близких кругах (хотя нигде в печати), что Петр был сыном Никона. В моей поэме¹ на вопрос Петра: “Твой сын я, али нет?” — Стрешнев, вздернутый на дыбу, отвечает: “А черт ты знает, чей ты... много нас у матушки-царицы переспало” ...»

16 августа.

Максимилиан при мне говорил: «Как можно смотреть на прозрачно текущую поверхность воды и видеть то дно сквозь воду, то ее саму, так можно в текущих явлениях усмотреть то их причинную связанность, то ток обратный — целевую. Одно другого не отрицает. Но момент постижения в ряду причинном — целевой поток — я и называю чудом». Слушая это, вспоминал я, что у Вяч. Иванова во «Сне Мелампа» аналогичные мысли. Проверяю и нахожу:

Отрок, гляделся ли ты в прозрачную влагу, любуясь
 Образом зыбким, который тебя повторяет, как эхо
 Звук отзвучавший из чутких пещер воскрешает? Так нимфа
 Струйная — меди ль блистательной власть, что пленяет дыханье
 Близко дышащих уст на легко-затуманенной глади, —
 Тень выпивает твою и к тебе, превратив, высылает
 Дивно подобную светлым чертам — и превратную...

И посвящен «Сон Мелампа» М. Волошину. Спрашиваю у него, почему ему посвящено, — и в ответ: «Мы жили тогда вместе на Башне, он начал и бросил эту поэму, я побудил ее кончить, и он посвятил ее мне». На такой же переклик мыслей Максимилиана и Вячеслава я обратил внимание, когда Максимилиан читал про Каина из «Путями Каина». Я сравнил это место с соответствующим из «Cor ardens» («Вас Каин ос-

новал, общественные стены, где “не убий” блюдет убийца-судия»; «Кто встал на Каина-убийцу, должен пасть»²). Максимилиан мне при этом сказал: «Это так характерно, что без влияния или реминисценции у нас имеются эти перезвучия. Вообще нет человека мне более родственного и в то же время совершенно противоположного, чем Вячеслав».

Я и сам чувствовал эту внутреннюю тяжбу с Вячеславом. Видно, некогда Максимилиан с Вячеславом состязался и был им побежден, по крайней мере, признал себя побежденным. Если это так, то полагаю, что Максимилиан оказался слабее только потому, что борьба происходила не здесь. На этой земле, в Крыму, в Коктебеле, сильней Максимилиана нет. Вячеслав сильней вообще, но Максимилиан сильней в частности. И это правда, что он «усыновлен землею» («Дом поэта»), как правда, что самые горы хранят его облик. И не в одном только месте, а когда я шел из Отуз в Коктебель, то в горах, в очертаниях скал, не раз видал изваянным его массивный лик. Максимилиан — душа этих мест — не метафора: он действительно свое лицо придал этим местам. И он — язык этих немых громад. Он их и глаза (живопись), и уста (поэзия). Их великолепии и нищета, киммерийский свет и сумерки.

18 августа.

Я спросил у Максимилиана, кого он считает первым из ныне живущих поэтов. «Вячеслава». — «Ну, а вторым?» — «Ходасевича. А вы?» — спросил он меня. «Относительно Вячеслава я согласен. Ну, а про Ходасевича я никак не думал. Хлебников, думаю я, несравненно выше. Стоит только прочесть его поэму «Ночной обыск», чтоб убедиться, насколько глубже Хлебников и Блока».

Максимилиан просил прочесть ему эту поэму. Я прочел и делал разъяснения. Но Максимилиан не убедился: «Как всегда у Хлебникова, замечательны отдельные места, но в целом...» — «Недоделано», — досказал я. «Нет, просто не сделано. И все говорят одним языком. “Это море может” — разве моряк так говорит? Это как в мистериях у Метерлинка, где не различишь, кто что говорит. Относительно Вам понравившегося своей двусмысленностью оборота “кровь... спешит до зареза” я считаю, что это не по-русски. Можно сказать: “нужно до зареза”, но “спешить до зареза” нельзя. Вот то же и с Клюевым. Я считаю, что он не по-русски говорит, хотя слова им так тщательно подобраны из народного словаря, но сочетание этих слов не русское, так говорят иностранцы, хорошо изучившие язык». <...>

27 августа.

Опять мы от всех отъединились и гуляли вдвоем. Максимилиан рассказывал мне о Рудольфе Штейнере: «Он всегда читал лекции и делал

свои сообщения как человек светский, перебивая их шутками, ибо боялся впасть в соблазн учительства. Он непрерывно совершенствовался, так что лицо его в течение его жизни становилось все более и более значительным. Иоаннов Дом должен был как бы завершить дело его жизни, так что то, что он сгорел, было для него роковым, во всяком случае, он сам считал для себя это смертельным. Теперешний новый дом построен в другом месте и по совершенно иным планам. Когда я жил в том доме и мне приходилось дежурить, то я всякий раз предотвращал какую-нибудь опасность со стороны огня, так что друзья спрашивали себя: оттого ли огонь, что я дежурю, или, наоборот, я от огня предостерегаю? Впрочем, у меня с огнем совершенно особенная связь. Так, Новый год, 1914-й, я был один в Коктебеле, ко мне приехала Марина Цветаева, я затопил унтермарковскую печку, плита раскалилась, и начался пожар: так начался для меня 1914 год, год Европейской войны. А в 1905 году прямо чудо случилось. Я стоял в одном доме около гардин — и они зажглись в моих руках³. Я объявил, что у меня спички были в руках, ибо я стыдился чуда, я не хочу, я бегу от чуда, я конфужусь, но это так». — «Как человек, которому слишком в карты везет, смущается, не сочтут ли его шулером», — сравнил я, и он согласился.

